

ААА. Ю. Духенвальд

Когнитивный
диссонанс

ААА. Ю. Эйхенвальд

Когнитивный диссонанс

«Издательство «Перо»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ААА. Ю. Эйхенвальд

Когнитивный диссонанс / ААА. Ю. Эйхенвальд — «Издательство
«Перо», 2020

ISBN 978-5-00150-691-1

«Когда в одной из картинных галерей, вздумали определить, на что посетители смотрели с наибольшим вниманием, выяснилось: долее всего почтеннейшая публика задерживалась у зеркала в туалете. Не подумайте, что так называлась картина, естественное желание видеть прекрасные вещи, ещё никогда не пересиливало...»

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-00150-691-1

© ААА. Ю. Эйхенвальд, 2020
© «Издательство «Перо», 2020

Содержание

Предуведомление	6
Аннотация, сиречь присказка	7
Прикладная хомосапиенсология	12
Минус на минус	13
Памятник поэту	14
Про памятник	15
Доступное счастье	16
Ишо раз про любовь	17
Свобода выбора	19
Кстати о птичках	20
Графоман	22
Как я провёл лето	35
Увольнение на берег	42
Третий сон отца Владимира[1]	44
Перекур	47
Китайская мудрость	48
«Дон Жуан» в подводной лодке	49
Мягкое сильнее твёрдого	57
Геронтология	58
А идите вы...	59
Реквием	60
Конец ознакомительного фрагмента.	67

ААА. Ю. Эйхенвальд
КОГНИТИВНЫЙ ДИССОНАНС

Оле Макеровой посвящается

© Кузнецов Г. А., 2019

Предупреждение

Хочу познакомить вас
с новой книгой моего
любимого автора.

Автор обращается к людям взрослым, понимающим все прелести
и тревоги нашей с вами, очень взрослой жизни.

Когда в одной из картинных галерей, вздумали определить, на
что посетители смотрели с наибольшим вниманием, выяснилось:
далее всего почтеннейшая публика задерживалась
у зеркала в туалете. Не подумайте, что так называлась картина,
естественное желание видеть прекрасные вещи, ещё никогда не
пересиливало...

прочие естественные желания. Молодому человеку, взявшему
эту книгу в руки, настоятельно советуем положить её на место:
естественная разница во взглядах

на самые насущные потребности, самым естественным образом,
пробудит в вас чувство недовольства, а то и
(что, тоже естественно) чувство негодования. И то сказать: ну, что
ценного может вам сообщить человек,
родившийся в середине
прошлого века. Пусть даже, он сам, считает себя довольно-таки
умным и

всё ещё молодым. Настолько молодым и умным, чтобы позволять
себе регулярно делать глупости и есть бесполезную пищу...

Впрочем, что автор!? Главное, ведь, содержание...

Ну, а, чтобы определить, встречаются ли перлы в перловой каше,
надо её попробовать или,
хоть потыкать в неё пальцем. (Способ, между прочим,
универсальный, он подходит и для поиска

других ингредиентов,
могущих, по недосмотру
или же, напротив, в рифму с талантом автора...)

Август 2019 г. Кузнецов Г.А.

Аннотация, сиречь присказка

Путешествие по «Морю житейскому» – предприятие смертельно опасное, сей факт известен решительно всем.

Так уж получилось, что все точно знают, чем, собственно,

это путешествие окончится. Разногласия начинаются, только с того момента, когда начинают думать про «потом».

Не вдаваясь, в суть этих разногласий, замечу, что, не совсем понятно, для чего знать, что именно, будет после смерти, если, и то, что будет перед оной, нам неведомо

(не узнаешь, пока оно не случится).

Конечно, хорошо бы, подготовиться к следующей жизни, подкоптить некий «капиталец», чтобы...

Да только, что копить-то,
да и... будет ли она,
следующая жизнь-то.

В «Символе Веры» говорится: «...*Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века...*» —

обратите внимание, сказано: «*чаю, то есть, надеюсь*», а это означает,

что, даже, если ты себя объявил «верующим» и пришёл в «Божий храм»,

никто тебе, не собирается обещать «**жизнь вечную**» или, хотя бы, просто «жизнь следующую»... Ты, всего-навсего, попадаешь в компанию «надеющихся»,

что не так плохо: находиться среди единомышленников – это счастье, доступное далеко не всем.

Отмечу ещё, что, верить во «что-то», гораздо уютнее,
чем «не верить ни во что»,

ведь, сознание, что ты поступаешь правильно – очень полезно для пищеварения, а надежда, что Папа заметит, похвалит, и даст лизнуть «сладенькое», с самых первых дней расцвечивает жизнь радужными красками.

Должен упомянуть, ещё об одной разновидности «веры», которая хорошо успокаивает нервы,

это вера в то,

что у «человеков» – есть разум.

Представляете, некоторые верят, что вот это... вздутие, в верхней части человеческого тела,

(на котором, как всем известно, расположены приспособления для обнаружения, измельчения и засасывания пищи) это самое, понимаешь, вздутие, способно генерировать абстрактные мысли. (Понятие «абстрактные», в данном

случае, означает мысли, не относящиеся к немедленному поглощению пищи).

Вера в «Гомо Сапиенса», то есть в «Человека разумного» – есть особая форма «гордыни» (самовосхваления), которая, основывается на неочевидных предположениях.

Первое из коих: «Существует правильное поведение в жизни, которое позволяет добиться неких...

преимуществ перед сородичами».

Второе: «Существует набор «жизненных правил», соблюдение которых, гарантирует, это самое, «правильное поведение».

Ну и третье предположение, состоит в том, что,

именно вы, и есть

(вопреки, мнению всех прочих)

«Человек разумный», и

вы готовы,

начиная с завтрашнего дня (а, лучше, с понедельника),

зажить,

«правильной жизнью».

Я не буду продолжать перечень (да, да, его можно и продолжить), из опасения, что вы завтра же... (ибо, хорошего, а тем более, правильного, не должно быть слишком много...)

Впрочем, я отвлѣкся...

Феликс Кривин, говорил, что человек разумный, значит: раз – умный,

а раз – нет. Впрочем, и сам я (а, наверное, и вы), столько раз замечал:

делаешь-то умные вещи,

а получается... такая дурь.

Так вот, вера, в то, что вы умный, в то, что вы умеете, в этой жизни, иногда поступать правильно, означает, что вы верите в «Науку»,

в «Общечеловеческие ценности»...

и... в прочие сомнительные вещи.

Да-с, люди, посчитавшие себя умными, начинают верить в сказки про то,

как устроена Природа-матушка. А, что? Они учились в школе и получили «диплом». «Ты, это... запоминай, что говорят-то... Верь, учителям, Буратино, видишь же: тебе говорят о простых вещах,

кои легко проверить». Буратино, сначала проверяет:

«Буратино... закрыл глаза и вдруг увидел

жареную курицу на тарелке. Живо открыл глаза, – курица

на тарелке исчезла. Он опять закрыл глаза, – увидел тарелку с манной кашей пополам

с малиновым вареньем.

Открыл глаза, – нет тарелки

с манной кашей пополам

с малиновым вареньем...»

Ну и, зачем вам дальше учиться, синьор, вы и так понимаете, где правда, а где... домыслы. Но, «синьор Буратино», всё-таки,

продолжил обучение, и, по пути к «диплому», ему втюхивали вещи, в которые тяжело поверить и нелегко проверить...

но, раз они признаны истинными, и все,

вроде как, их понимают,

ты ж, не, дурней других...

кивай, как все. А, ежели, наивный деревянный человечек, всё-таки, осмеливаешься переспросить, преподаватель —

почтеннейший Дуремар – переходит на громкий визг:

«Ты что, дурак! В шестой раз повторяю: Учение Ленина правильное, потому что, оно верное!

Что тут может быть непонятно»!? —

«Ааа! Вот... в чём дело!» – максимально честным голосом шепчет Буратино —

«И как это, я раньше...» —

Всё, вроде, успокаивается, но... в голове, остаётся...

некое несоответствие, некие, как сказал бы, столяр Джузеппе, «непонятки» или,

говоря простыми

французскими словами,

диссонанс.

И стоит себе, глупенький Буратино, а в деревянной головке, ворочаются глупенькие деревянные мысли: «Я, конечно, не буду возражать,

раз уж, вы так нервничаете... Нет, я верю, верю... Я, только... не понимаю, как такое возможно».

Такая вот, вполне сказочная, ситуация.

Хорошо, что нам, людям, растолковали, дескать, в мозгу два разных полушария: есть, стало быть, надежда суметь рассовать несочетаемые сведения по разным полушариям, чтобы голова не так болела.

Вот и получается, что, в одном углу мозга, сведения... ну, к примеру, что Владимир Ильич Ленин — самый человечный человек, самый добрый, самый, понимаешь, светлый, самый, самый... Эти сведения, вбиты в голову, ещё со школьных времён.

А, вот, в другом углу...

там воспоминания

Надежды Константиновны,

из серии «Ленин в ссылке», примерно такие:

«Когда Владимир Ильич, на лодке подплыл к островку, на котором, тесно прижавшись друг к другу, дрожали, спасавшиеся от разлива реки зайцы, Ильич, как дедушка Мазай, не стал стрелять в них из ружья.

«Самый человечный человек» перебил всех, сколько их было, прикладом и сложил в лодку».

Лодка, как отмечала Надежда Константиновна, значительно, почти до края борта, осела под тяжестью добычи.

(Как же, всё-таки, повезло всем нам! Страшно предположить, что случилось бы, будь островок чуток поболее и, соответственно, зайчишек на нём...

Ведь утонул бы, нафиг, «наш дорогой Ильич» в бурной реке и, глядишь, не было б, никакой революции.)

«Ну, эти твои сведения —
полная ерунда!» —

Скажет мне умная Ирина —

«Да, разве можно этому верить!

Этой несуразице!» —

«Какой, именно!??» —

Тупо переспрошу я...

Прикладная хомосапиенсология

Клетки человеческого организма постоянно отмирают, а на их место нарождаются новые.

Поэтому, если встречаешь знакомого, которого не видел год, можешь быть уверен, что перед тобой совершенно другой человек. Это уже не та сволочь, которую ты знал, это совершенно новая сволочь.

Минус на минус

В общенье математика хромает,
Два раза «НЕТ» – не заменяют «ДА»
И множество девиц не заменяет
Одной, что вам сказала: «Никогда»!
Учёным сказкам далеко до были,
Бегите прочь, сомнения губя,
То, что вас, ненавидя, не убили,
Всё ж лучше, чем прихлопнули б, любя.

Памятник поэту

Я прочёл в газете:
«...в Эфиопии, поставлен памятник
народному эфиопскому поэту
А.С. Пушкину».

Камень упал с души: слова Пушкина:
«Мы ленивы и нелюбопытны» —
звучали как приговор.

Оказывается,
это не про нас!

Про памятник

Стремясь вперёд, главою непокорной,
Ещё не ведая, сомнений и седин,
Я тоже, памятник завёл... нерукотворный
И, между прочим, даже не один.

Доступное счастье

Счастливо дерево растущее
И птица счастлива летящая,
И тот, кто, помня своё прошлое,
Не забывает настоящее.
Кто не дурак был к восемнадцати,
Имеет шанс, годам к семидесяти
Своей судьбы не убояться и...
И жить от счастья поблизости.
О дай нам Бог в уме остаться,
Не одуреть не потеряться.
Дай Бог нам, хоть чего-то делать
И помнить, где душа, где тело,
И с «порослью младою» видеться,
И не успеть на жизнь обидеться.

Ишо раз про любовь

*«Сегодня праздник у петровых,
«С старушкой дряхлою» своей,
«Подругой дней его суровых»,
Петров справляет юбилей...»*

И. Иртеньев.

Вот жизнь пошла, лишь только в бане,
Под пиво вспомнишь о жене:
«Любовь, Петров, как дно в стакане,
Она опора в жизни мне,
Она не раз ещё обманет,
Обидит, до кишок достанет,
Но не оставит в стороне.

Ты думаешь, коль стар и сед,
То от тебя она отстанет?
Как бы не так! Держись, сосед,
Она лишь пальчиком поманит,
И ты готов вилять хвостом,
Не думая: «А, что потом?»
Вот так, шутя, тебя поймает,

Пообещает и... обманет,
Весь распорядок поломает,
Надеждою подразнит вновь,
И ты, в надежде на любовь...

Пустой надежде – в кружке пусто,
Не злись! И у меня не густо...
Подлей же Боже нам! Ей-ей,
Хотим ещё! Ещё налей!

Конечно же, любовь обманет,
Догонит и обманет вновь.
Ты от любви сбегашь в баню,
Но в бане, слышишь про любовь.

«Средь наших шевелюр иль лысин,
За эти семь десятков лет,
Любовь и жизнь переплелися:
То, нет любви, то жизни нет.
Теперь, любовь для нас забота,
А не охота иль игра,
Она заставит встать с утра,
(Коли не в шесть, так, значит, в девять)

И бегать и зарядку делать.
В надежде, всё же, встрепенуться,
И, как-то утречком проснуться
С Надеждой, Верой иль с Любовью,
(Да, хоть бы... с Манею иль Таней...)
Покуда пиво есть в стакане,
Чего бы нам не помечтать
О том, что время повернётся
И наша молодость вернётся,
Обратно, хоть бы ненадолго,
А мы б тогда... пушай не долго...
Ах, эта сладкая отрада
От осознания, что ты смог...
Ещё хоть день, прожить «как надо»!
Герой! Орёл!! «Учись, сынок»!!!

Свобода выбора

Богом данная, свобода выбора – не отменяет судьбы.
С практической точки зрения, это означает, что надгробие можно
заказать сразу,
а обстоятельства, предшествующие смерти,
придётся уточнить.

Кстати о птичках

Я тут почитал книгу о птичьих кормушках и ловушках и задумался: «правильно ли, после завтрака, ковыряя в зубах, рассуждать о судьбах «Универсума»... или надо, как птички: Поклевал и – «Ф-ррр»! — упорхнул, пока цел. Вот сыплете вы... (да, да, именно вы, я уже давно, так не делаю) крупу на подоконник, даёте птичкам, «хлеб насущный».

Невоспитанные, необученные манерам
птички, клюют...
и сразу же начинают «гадить».

Можно ли, за это, назвать их
«неблагодарными», или «гадкими»?
Конечно можно, коли охота, но,

на самом деле, они просто
невоспитанные.

Я бы хотел, для контраста, привести пример противоположного свойства,
дескать, когда птички воспитанные,
то есть, дрессированные...
Увы! Дрессировщики готовы учить птичек
считать, говорить и носить письма, но они явно не понимают,
что начинать надо с другого...

Каждый налогоплательщик, которому посчастливилось получить
на свой новый пиджак
птичкину отметину,
сразу понимает, чему надо было обучать птичек в первую очередь,
а дрессировщики...

И есть только один способ убедить птичек вести себя прилично,
то есть,
здесь не «гадить» —

надо здесь их не кормить.
Это касается, впрочем, не только птичек, подкармливая детей,
женщин, друзей, вы ожидаете от них послушания, ждёте
радостного желания выполнять вашу волю,

а они...
А теперь, извольте некую параллель:
Отец – Создатель наш, взрастил нас,

откормил, обласкал, надеялся, что будем мы Ему подмогой, а
природе украшением – венцом.

Мы же, расправили свои воробьиные перья,

и... давай выклёвывать из природы самые лакомые куски,

и... гадить,

гадить...

Поднимись, о, Человеке, над Землёй, что ты узришь с высоты
птичьего

полёта!?

И спереди, и сзади,

и обочь до горизонта – видишь, что там золотится

в лучах утреннего солнышка? Что это, по-твоему?

Кучи спелого зерна?

Янтарь?

Сено душистое?!!

Да нет!!!

Дерьмо всё это.

Когда Спаситель говорил: «Будьте как птицы», ужель Он это имел
ввиду?

Что ж, поняли так, как сумели.

Графоман

Графоман – это «Некто»,
возомнивший себя... графом Толстым.

«Некто» изо всех сил пытается делать то, что, по его мнению, всю
свою жизнь делал граф Толстой.

Это не так просто: «Некто» позабыл всё,
что ему вдалбливали в школе, (*не морщите нос, вы-то, сами
помните?*) зато – он помнит анекдоты,
т. е. «случаи из жизни графа Толстого».

Интерес к личности Толстого не дал погибнуть в забвении некоему
количеству анекдотов, которые, со временем, слились в...
более или менее связный рассказ, передаваемый, что называется,
из уст в уста:

«Устное предание о деяниях Льва

Николаевича».

Это предание живёт само по себе, где-то, оно опирается на
реальные события,
а где-то и нет.

Я недавно услышал это предание ещё раз, и очень порадовался,
насколько оно за двадцать лет стало
мудрее и подробнее.

Не являясь знатоком творчества и биографии графа Толстого,
я одновременно, не являюсь и знатоком «устного предания»;
поэтому, то, что я далее расскажу, будет содержать,
по мнению знатоков,
огромное количество
несуразностей и нелепостей.

Спешу оправдаться: уважаемые «знатоки»,
если вы, услышите то, что рассказывает о вас ваша жена или,

не дай Бог, ваши друзья,
вы услышите вопиюще нелепые утверждения. Вы огорчитесь,
но, всё же, вам придётся простить жену,
и, хотя бы, часть друзей,
ибо человек – животное стадное, и он готов терпеть неверных
друзей и нелюбящую жену, лишь бы не страдать от одиночества.

Итак, по преданию, граф Лев Николаевич Толстой всю свою
жизнь...
гонялся за бабами,
а в оставшееся время,
косил и

вправлял окружающим мозги, посредством написания умных текстов.

Умельцев «вправлять мозги» и в наше время достаточно, но, они... не так знамениты.

Возможно, потому, что их тексты хуже, хотя... хотя, мы знаем достаточно писателей, которые писали явно хуже, чем Лев Николаевич и, тем не менее, они гораздо более популярны среди «широкой публики».

Не будем приводить конкретных примеров, писатели – народ обидчивый, да и читатель стал капризнее, чтобы его заинтересовать, надо, чтобы с первых страниц «пахнуло жареным».

Во времена Толстого,

люди были и проще, и добрее, и... У них, тогда ещё

не отбили любовь к чтению —

качество, которое в наше время, не вдруг встретишь. Безусловно, у графа Толстого было то, чего, не было у других:

у него были крепостные крестьяне. Крестьяне, волей-неволей, обязаны слушаться своего господина.

Лев Николаевич выучил их читать. Ну, крестьяне и читали его сказки,

пока граф ходил по избам и

вникал в нужды их жён.

А уж, женщины-то, в те времена, были куда более воспитанны, чем современные,

и мечтали они всегда о «правильном», ибо, в первую очередь,

они думали о семье.

Женщинам хотелось, чтобы дети их были счастливы, богаты и образованны – ну, как графские-то дети.

А, ещё лучше,

чтобы они и были

графскими детьми.

А вы думали, что простые крестьянки и не мечтали вовсе?!

Очень, знаете ли, мечтали, и очень хотели, чтобы их дети были...
графскими детьми,
а сами они, куда ж деваться —
графинями...
Но, для простого народа,
времена были трудные,
и многим чаяниям народным
не суждено было сбыться.
Одна графиня у Льва Николаевича уже была, а больше, в те
суровые времена,
даже графу не полагалось.
Пока граф ходил в народ, графиня Софья Андреевна, жена и мать
графских детей, заботилась об имении... а, заодно, и обо всех
прочих делах.

Кроме того, ей приходилось по многу раз переписывать то, что
«Лёвушка» успевал написать,
граф терпеть не мог, ежели баба,
хотя и графиня,
без дела сидит.

*(Знающие люди говорили, что у графа имелись дети не только от
графини. Это бывает,
а что? Почему бы, благородному человеку, иногда и не проявить
сочувствие к обездоленным, не удовлетворить их,
так сказать, чаяния).*

Софья Андреевна твёрдо знала, как положено вести себя «жене-
бабе» в патриархальной семье.

Сгубила её расхожая мысль: «графиня может и должна, делать то,
что простой бабе делать не положено». Ах, скольких женщин,
коих, хоть раз, назвали
«графиня»,
сбило с толку это пагубное
зablуждение!

Женщина, обременённая мыслью...
опасна для окружающих.

Мысль её растёт, развивается и... и дорастает до опаснейшего
состояния, именуемого:
«графиня требуют».
Сколько благополучных браков разрушилось после того, как у
бабы прорезались требования, кои стерпеть возможно, только от
графини
(коли ты её крепостной).

«Лёвушка» часто приходил домой поздно, потный и усталый, приговаривая, что весь день косил.

Графиня, долго переносила это, как и положено, «жене-бабе» – молча. Но, однажды, она заявила, что не хочет больше выслушивать сказки.

Так, ребята, с «графьями», говорить не положено, будь ты хоть трижды графиня — граф ушёл из дому босой.

Графиня, было побежала за ним, она любила своего «Лёвушку», но... «мужнины заветы» взяли верх над чувствами.

Лев Николаевич объяснял: раз она женщина замужняя, её дело – хранить очаг, а не бегать за мужиками.

И, Слава Богу! В том, что культурное наследие Толстого, хорошо сохранилось, огромная заслуга его жены.

Благодаря заботам Софьи Андреевны, миллионы людей, почитающих Льва Толстого, могут почитать и его произведения. Почитайте и вы, а что? Возможно, это занятие окажется достойным, вашего внимания, ведь, тексты Льва Николаевича ценили не только его потомки, но и его современники.

Подчёркиваю: произведения Толстого ценили не только «благодарные потомки», но и «неблагодарные современники». Такого результата добились немногие.

Конечно, не все сумели правильно понять его творения.

Вот, скажем, Дмитрий Иванович Менделеев, он изобрёл водку и ещё эту... таблицу, которая... в конце учебника по химии – ну, грамотный был мужик.

Так, вот, Менделеев писал про Толстого: «Гениален...».

И продолжал:

«Гениален, но глуп.

Не может связать логически двух мыслей».

Желая, как-то поддержать поклонников Льва Николаевича, напомним про отзыв Толстого на книгу Менделеева «К познанию России»:

«В книжке много интересного материала,

но выводы ужасают

своей глупостью и пошлостью».

Я призываю читателей, спокойно прислушаться к вышесказанному и не делать поспешных выводов, «ужасающих, своей глупостью и пошлостью».

Столько людей во всём мире,

называют их гениальными,

что они сами,

для разнообразия,

имеют право,

назвать друг друга,

дураками.

Зато... мы можем гордиться,

что ни Толстой, ни Менделеев

дураками нас не назвали ни разу,

(и у безвестности,

есть некие преимущества)...

Теперь, ещё немного, о детях Толстого: все, кто с ними общался, отмечают,

их мудрость,

воспитанность и

благородную сдержанность... Это прекрасно,

но... для всенародного преклонения

недостаточно.

Вот, ежели б, они были настоящие «графья», с именными, каретами,

графинями —

тогда, оно, конечно! А так,

уважаемые дети графские,

и благородство ваше ни к чему,

и мудрость ваша —
невпопад.
И вообще:
манеры графские,
для простого человека
(скажем, для конюха),
очень даже вредны.

Кстати, раз уж, мы заговорили
про «вообще»,

отметим наиболее общую проблему современности, а именно:
переизбыток широко образованных людей. Уточню, не конкретно
образованных, людей —
людей, умеющих что-то делать,
а образованных
«вообще»... То есть, обладающих знаниями...
настолько общими,
что ни к какому частному случаю знания эти... лучше не
применять.

«Образование не бывает излишним» – скажете вы, – «прекрасно,
ведь, ежели дворник разумеет по латыни»? —

«Конечно, прекрасно»! – отвечу я, – «Но, пока дворник цитирует
Вергилия, он, из уважения к классику, двор не метёт. Он будет
рассуждать о «Римском праве»,
отложив метлу.

Дворник, цитирующий Вергилия, готов дать умный совет
по любой отрасли знаний,
но, за результат – он не ответственен —
дворник он.
В результате, и толку от его советов нет, и двор не метён».

А, вот, Лев Николаевич хорошо умел делать вещи вполне
конкретные: он хорошо танцевал мазурку,
хорошо стрелял,
прекрасно писал рассказы и романы,
профессионально косил траву, а, уж женщины,
были от него в полном восторге. (*Даже и собственная жена*).

.....

P.S. к Графоману
(*Правда о последних днях*
Льва Николаевича).

Правда – вещь не простая и в употреблении неудобная. Лишь немногие, избранные натуры, узнав о себе правду, сумеют найти силы, чтобы показаться спокойными.

И я, никогда бы, не взялся рассуждать о столь опасном предмете, кабы, кое-кто не обвинил меня в зубоскальстве и неуважении...

Что ж, нате вам правду...

Вам показалось, что я недостаточно почтительно отношусь ко Льву Николаевичу и членам его драгоценного семейства?

Вам померещилась насмешка? Ну, что вы, уважаемый!

Это не насмешка, это...

это смущённая улыбка.

Именно так, со смущённой улыбкой, я и постарался отнестись к известным фактам, из жизни Льва Николаевича.

«А нельзя ли вовсе без улыбки» – спросите вы?

«Увы,» – отвечу я – «ежели к жизни относиться вовсе без улыбки – она, жизнь, покажется грустной, а то и мрачной».

Итак, вот вам: маленький, но правдивый рассказ о кусочке жизни Льва Николаевича.

Но, сначала несколько слов о жене, ибо женщина, живущая в вашем доме, влияет на вашу судьбу более... более, нежели Луна без курса, или там, транзитный Сатурн в пятом доме...

Как вы помните, жену звали Софья Андреевна Берс.

Граф прожил с ней 48 лет, она родила ему тринадцать детей, из которых семеро остались живы.

На плечах Софьи Андреевны было всё: имение, дети,

(О трудностях воспитания графских детей я бы с удовольствием порассуждал, но практических навыков у меня маловато...

Разве что, своих, «негодяйчиков», когда у них прорезались «графские замашки», я регулярно увещевал: поимейте совесть, чай, вы, всё же, не «графья», а у Софьи то, Андреевны... у неё, даже и этой отговорки не было).

А, помимо деточек да именица, на Софье, свет, Андреевне, ещё и издательские дела, да ещё и «Сам»...

Лёвушка – муженёк.

(Эх, бабы деревенские, не понимаете вы своего счастья, ну придёт мужик пьяный, и спать прямо в лаптях завалится – «делов»!..

А, вот, когда мужик трезвый... да умственный, да мать его, она очень совестливая была, а он, как раз, в мать

и пошёл – совестливый до невозможности... мало того, он ещё и книги пишет под настроение... а настроение оно, сегодня одно, а завтра...)

Вы помните, Софья Андреевна по несколько раз(!) переписывала многочисленные черновики мужа.

Но, если работа с художественной литературой ей доставляла, по её собственным словам, «большое эстетическое наслаждение», то религиозно-философские тексты она переписывала без особого энтузиазма

*(известное дело, у жёницин-то,
и философия другая,
да и религия у них, какая-то своя).*

Из дневника С.А.

«Сейчас 2 часа ночи, я все переписывала. Ужасно скучная и тяжелая работа, потому что, наверное, то, что написано мною сегодня, – завтра все перечеркнется и будет переписано Львом Николаеви —

чем вновь. Какое у него терпение и трудолюбие – это поразительно!»

15 июля 1897 года

(обратите внимание, о собственном терпении и трудолюбии – ни слова, всё по «Домострою»: «Жена добрая, трудолюбивая, молчаливая...»)

В момент венчания Софье Андреевне Берс было всего лишь 18 лет, а ее жениху – 34.

До знакомства с будущей женой писатель неоднократно... влюблялся.

Желая быть честным со своей будущей супругой, Лев Николаевич, незадолго до свадьбы, отдал ей свои дневники.

В этих дневниках, как вы понимаете, был изложен его немалый опыт в деле совращения с пути истинного благородных дам (о прочих дамах, граф не счёл нужным упоминать).

Ох уж, эти добрые и честные намерения, не ими ли, вымощена дорога в Ад.

Ну зачем, скажите, посвящать юную девицу во все эти... подробности.

Кто знает, как у неё было с тем, что теперь зовётся сексуальным просвещением, возможно, она мечтала о том, что граф будет её носить на руках... и только.

Разве что, граф побаивался, что его друзья, всё разболтают и торопился ознакомить невесту, со своей версией событий.

Вы уже поняли, что Лев Николаевич был не только благородным, но и честным человеком:

с такими жить особенно трудно.

Прошлые похождения мужа бесили графиню и были причиной многих семейных конфликтов.

Однако возмущение Софьи Андреевны было вызвано не только ревностью.

Лев Николаевич рассматривал женщину только и исключительно, с высоты патриархальных устоев:

«Мода умственная – восхвалять женщин, утверждать, что они не только равны по духовным способностям, но выше мужчин, очень скверная и вредная мода» – объяснял граф.

Из дневника С.А.

«...Вчера вечером меня поразила разговор Л. Н. о женском вопросе. Он и вчера, и всегда против свободы и так называемой равноправности женщины;

вчера же, он вдруг высказал, что у женщины, каким бы делом она ни занималась: учительством, медициной, искусством, – у ней одна цель:

половая любовь. Как она её добьется, так все её занятия летят прахом.

Я возмутилась страшно таким мнением и стала упрекать Льву Николаевичу за его этот вечный циничный... взгляд на женщин.

Я ему сказала, что он потому так смотрел на женщин, что до 34 лет не знал близко ни одной порядочной женщины».

(Гордыня это, матушка Софья Андреевна, как есть, гордыня!

Вы изволите утверждать, что кроме вас, ни одна порядочная женщина не обратила на графа внимания, а, ведь он, в те годы, был... может быть, и не лучше, но точно моложе...)

Обратите внимание, что Л.Н. женился, как раз в 34 года, стало быть, результатом честности Толстого, стало лишь то, что его дражайшая супруга сорок восемь лет «продала ему плешь» тем, что он всю жизнь «водился с женщинами непорядочными».

Лев Николаевич, будучи человеком правдивым, наверняка, не стал отрицать, что и такие знакомые у него были.

*Но, он был ещё и справедливым и не раз пытался отстоять честь своих
прежних возлюбленных —*

тицетно,

*попытка найти приличные черты у «предыдущих» женщин,
никогда не находит понимания*

у наших «теперешних». Разумеется, это сердце Льва Николаевича: он-то, давно уже себе всё простил, почти всё забыл и успокоился...

*Ну и, рассчитывал на ответное прощение, умиротворение,
умиление, но...*

*Но не учёл Лев, что разъярённую Львицу не успокоит конфеткой,
чтобы восстановить тишину и спокойствие, укротителю*

*понадобится плеть и пистолет.
Из дневника С.А.*

«...то отсутствие дружбы, симпатии душ, а не тел, то равнодушное отношение к моей духовной и внутренней жизни, которое так мучает и огорчает меня до сих пор... испортило мне жизнь и за — ставило... меньше любить теперь моего мужа...

Ночью я плакала от того тяжелого положения несвободы, которое меня тяготит все больше и больше.

Фактически я, конечно, свободна: у меня деньги, лошади, платья — всё есть; уложились, села и поехала. Я свободна

читать корректуры,

покупать яблоки Л. Н.,

шить платья Саше и блузы мужу, фотографировать его же во всех видах,

заказывать обед,

вести дела своей семьи —

свободна

есть, спать, молчать и покоряться. Но я не свободна думать по-своему,

любить то и тех,

кого и что избрала сама,

идти и ехать, где мне интересно и умственно хорошо;

не свободна заниматься музыкой,
не свободна изгнать из моего дома бесчисленных, ненужных, скучных и часто очень дурных людей,

а принимать хороших, талантливых, умных и интересных.
Нам в доме не нужны подобные люди —

с ними надо считаться и стать на равную

ногу;

а у нас любят поработать и поучать...

И мне не весело, а трудно жить...

И не то слово я употребила:

весело, этого мне не надо, мне нужно

жить содержательно, спокойно,

а я живу нервно,

трудно и малосодержательно».

8 марта 1898 года

(Примечательно, что именно восьмого марта, графиня пожаловалась на

нервную, трудную и малосодержательную жизнь.

Слышите, дамы! Полно вам жаловаться, вы живёте как графиня!)

О подавленном состоянии графини говорили многие, но о причинах сего говорили по-разному.

Старший сын, полагал, это: «расхождение во взглядах, болезни... ну и завещание». *(то есть, дело житейское, да ещё и это завещание).*

А, вот, младшая дочь, Сашенька, считала, что попытки матери покончить с собой были

притворством, направленным на то,

чтобы задеть Льва Николаевича.

Намекала, стало быть, дочурка, что матушка... слегка тово...

Приглашенный в Ясную Поляну доктор Россолимо

поставил диагноз:

«Дегенеративная двойная конституция, паранойяльная и истерическая, с преобладанием первой.

В данный момент эпизодическое обострение».

А вот, психиатр Растегаев не выявил «каких-либо психопатологических черт, указывающих на наличие душевного заболевания, ни из наблюдений, ни из бесед с Софьей Андреевной».

(Обычная, знаете ли вещь, одному мужику кажется, что баба эта – «слишком резвая, ненормальная,

какая-то, что ли...»), а другой мужик считает, что

«баба – вполне себе:

эмоциональная и вообще...») То есть, вопрос о нормальности Софьи Андреевны не выяснен окончательно;

зато, точно известно, что сорок восемь лет, на протяжении семейной жизни, графиня Софья Андреевна, ради семьи постоянно жертвовала своими интересами, временем и здоровьем, и... (вот он результат, вот она награда)

восьмидесятидвухлетний Лев Николаевич бежал от неё из своего собственного дома

в ночь с 27 на 28 октября 1910 года.

Супруге было оставлено письмо, в котором он благодарил за совместно прожитые годы и объяснял, что уходит не от жены, а от «Ясной Поляны»: «...Я НЕ МОГУ БОЛЕЕ ЖИТЬ В ТЕХ УСЛОВИЯХ РОСКОШИ, В КОТОРЫХ ЖИЛ».

Софья Андреевна пыталась утопиться в яснополянском пруду.

Её спасли. Она написала мужу: «Лёвочка, голубчик, вернись домой, спаси меня

от вторичного самоубийства».

Толстой отвечал: «Может быть, те месяцы, какие нам осталось жить, важнее всех прожитых годов, и надо прожить их хорошо».

(Осмелюсь перевести сие сообщение на обыденный язык: «Ты загубила мои

лучшие годы, но теперь я поумнел и хочу другую жену и другую жизнь. Прощай!» Насчёт месяцев Лев Николаевич ошибся. Он прожил ещё 10 дней).

Ох, не торопитесь, господа хорошие,

скидывать бремя с шеи своей,

может статься, только оно вас

ещё и удерживает на свете этом.

Граф хотел раздать всё своё

имущество и отказаться от

гонораров за издание книг.

«А детки-то, Лёвушка! «Графьятки» маленькие, они, есть

хотят!» – возмутилась графиня.

Софья Андреевна считала, что отец не имеет права лишать её детей средств к существованию, она

пригрозила объявить

Льва Николаевича **сумасшедшим**

и учредить над ним опеку.

Возмущённый Лев Николаевич бежал и, простудившись в поезде, умер на станции Астапово 7 ноября 1910 года.

Вот так она выглядит – «Правда о любящих и образованных супругах, о графе

Льве Николаевиче и супруге его Софье

Андреевне» – та самая правда,

от которой... немного знобит.

Что можно к этому добавить?

Ну разве:

«Человек обязан быть счастлив.

Если он несчастлив, то он виноват.

И обязан до тех пор хлопотать над

собой, пока не устранит этого

неудобства или недоразумения».

Лев Толстой.

Как я провёл лето

*(Отчёт о том, как я гостил у
Зои Павловны и Александра
Александровича на их даче,
которая, на трезвую голову,
легко находится, неподалёку от
«платформы 43 км.» Ярославского
направления Московской ж/д.)*

Мужики на веселие падки,
Ради, «выпить и закусить»,
Сорок вёрст, пробегут без оглядки
(Сорок три, чтоб точнее быть).

Я уж с вечера вымыл руки,
Перхоть с галстука отряхнул,
И, чтоб с пищей не длить разлуки,
В электричку с утра шагнул.

Бабе, надобно чем-то «потрафить»,
Умилить её, как-нибудь,
А иначе – пошлют вас на «фиг» —
Зря проделаешь трудный путь.

Коль ты к Нинке пришёл, надо выпить,
Спеть романс, анекдот «загнуть».
Коли к Зойке – конечности вымыть,
Губы вовремя промокнуть.

Если б знали вы, как я старался,
Как культурно и правильно ел,
Всё живот подтянуть пытался
Оттопырив, мизинец сидел.

Зойка ж, снова глядит неласково,
Шепчет через губу: «Утомил»!
Видно, руки не там я протаскивал
И, чего-то, не то, зацепил.

Я всю жизнь проторчал на стройке,
Где уж мне манеры «завэсть»,
Помогите мне Боги! Ведь, Зойка!
Пригласила: попить, поесть!

И, по-моему, было не скверно:
Тихо к вешалке я шагнул

И, изящно, мол, здесь не таверна,

К нужной тряпочке длань протянул.
Я был светел и горд, как Юпитер!
Ан, опять я... всё сделал не так.
Зойка вскрикнула: «Чем ты вытер»!
И добавила веско:

«Дурак!
Мужики есть, настолько грубые,

Не умеют прилично есть,

От борща не утёрши губы,

Ими ж, в чай норовят залезть.
Вечно ты, всё не то хватаешь!

Как, вообще, у тебя с головой?

Если, вечно во всё залезаешь

Не вполне «кАпичёной» рукой»!? —
«Что нам, Зоинька,

думать о вечности.

В вечности, человек – пустяк.

Боги двигают наши конечности,

Задвигают то эдак, то так.
Волю их, ну никак, не нарушу я

И, бывает, очнувшись от дел,

Я персону свою обнаруживаю,

Совершенно не там, где хотел.
Ты пойми, коль другим боги заняты,

Всё выходит, немного не так:

Губы вытянешь для лобзания и...

По морде получишь «в оттяг».
Ну, куда же ещё со мной строже!

Я и так, потерял аппетит —

Коль не дать ему, тряпкой по роже,

«Человек» – очень гордо звучит.

Да, не тою я тряпкой рот вытер,

Перед тем, как чайку «возалкал».

Что ж я сделаю, коль, Сам Юпитер,

Эту тряпку мне в руки толкал!?

Вакх с Венерою зренье мне застили,

Что им, смертного обмануть,

Отвернулись боги и замерли,

Я и встал на неправильный путь.

Вот преступной своею десницей

Это «чудо творенья» держу —

Поздно! Мне уж не объясниться,

Все же, я, в оправданье, скажу:

«Сучат Парки судьбы нашей нити,

Наша ж воля – ничто, суета!

Ну, не видел я надпись, не видел!

Так и вышло, что тряпка не та.

Твой укор будет долго мне сниться,

Наставленьям твоим вопреки,

Протянувши пустую десницу,

«Цапнул»... тряпку для левой руки».

Жизнь частенько нас жжёт и тревожит.

Мы ж, надежду терять не должны,

Ведь, спасенье явиться нам может

С неожиданнейшей стороны.

Зойкин Сашка – мужик суровый, Весь «шершавый» такой, мужик,

Не приветствует бранное слово И командовать в доме привык.

Провещает: «Скажу вам, как доктор» —

Значит, спорить с ним...

лучше не надо.

Ну, а ввяжется, сдуру, кто в спор —

Этот спор... затянется на год.
То с горелкою он, то с лопатой —

Занятой весь, не подойдёшь —

Всё работает, как виноватый,

С ним и сам работать начнёшь.
Этот мрачный портрет я дополню...

Не сейчас, а потом, так и быть,

Но, для некоторых, напомню,

Что и с Сашкою можно жить.
Положенье не столь уж бедственно,

Усмирите душевную боль,

Есть на Сашку надёжное средство:

Называется «алкоголь» —
Лишь в крови заиграют «промили»,

Сашку, можно сказать, подменили,

Он готов, хоть на грядку с луком,

Для салатика вашим внукам.
Вон, из зарослей он наблюдает,

Лук сжимая, как Робин Гуд:

«Кто там, вдов и сирот обижает,

Чо, так долго шашлык не несут»!!!?
Зорко шурясь, сквозь заросли лука,

Всем на помощь бежать готов,

Сашка зрит, на челе его мука:

Чьи там ноги торчат из кустов?
И, прокравшись, как тать
вдоль забора,
Он узнал: это ж гость,
тот, который...
Содрогаясь, истерзанным телом,
Я, морально убитый лежал.
Рядом, висилась Зойка, вся в белом,
Ну, а я... так сказать...
оплошал.
Оценивши масштабы увечья,
Сашка с мудрою выступил речью:
«Ты, блин, Зойка – отрав... отрада!
Ты ж, любимейшая жена!
Мужиков бить, конечно, надо,
Но, по голове... нахрена!?
Ты бы, лучше его по этим...
Ну, которые впереди...
По «граблям», по... всему на свете,
Но по голове – погоди.
Выпить я «другана» пригласил,
Ну, а ты его, что было сил,
Человек же, с бутылкой пришёл —
Ну, а ты его...
нехорошо!
Вы уж, бабы меня извините,
Но я тоже, угла не видал,

Где бы муж ваш иль ваш
«покровитель»,
Где б мужик ваш, от вас
не стонал.
Баба, с умною, вроде, рожей,
По башке человека бьёт,
А того и понять не может,
Что мужик головою пьёт!
Ты паши, аль избу восстанавливай,
Это ты уж сама решай,
Хоть, коней на скаку останавливай,
Только, пить мужику не мешай.
Человек пить не должен нервно:
С гордо поднятою головой
Он стакан принимает первый
И тотчас – наливает второй.
Мы не станем в кустах, незаметно,
Мы, как люди, за стол пойдём,
Ведь, мужик должен быть
конкретным
И уметь стоять на своём.
Я люблю тебя, Зой, но с гостями
Выбирай понежнее слова,
Не бросай в них упрёки горстями,
И вообще, ты, слегка не права:
Жить легко и красиво и весело —
Он, ведь, тоже,
когда-то, мечтал.

Ты неправильно

тряпку

повесила! – Это я вам, как доктор, сказал.
Ты же, друг, не печалься,

нисколько...

Что, слегка... пожурила Зойка...

Ну, побила, чуть-чуть, бывает,

Да к утру, она всё забывает.
Зойка добрая и хлебосольная,

И гостям, завсегда, довольная.

Хочешь, лично проверить это,

Заходи каждый день к нам, всё лето».
Я, счастливо, заулыбался,

Но на Зойку случайно взглянул...

И всё лето, зайти...

не собрался,

Как-то, знаете ли, не рискнул.

Увольнение на берег

«Вино горчит! Всё это, странно, право...
И интерьер здесь... как-то, не по мне!» —
«Не бойсь, браток, возможно, не отрава,
А... сорт такой. Мы, всё ж,

в чужой стране». —
«Ну, рожа у хозяина, однако...

А у хозяйки, как-то, странно косит глаз». —

«Ты, парень, пей!

Тут не Рязань – Монако...

Европа! Что подумают о нас»!?!

«Как ты сказал: Марсель!?!...

Нехай... не спорю!

Нам, лишь бы пить, а, что:

кисель иль квас...

Всё ж, в увольнение ходить —

не то, что в море...» —
«Гляди, он замышляет, против нас!
Гляди, гляди: вишь, нож с ухмылкой точит,

Полез за печку, шпаги достаёт!»...
«Что?!.. шампуры! А, я решил, что хочет...
Шашлык – пускай... и пусть ещё нальёт». —
«Грибы не трогай! На, возьми орешка.
Тут случай был со мной —
вообще «капец»:
Попалася китайская «кафешка»,
Грибков поел —
и сутки... не боец!
Мы на рассвете, прогуляемся вдоль моря;
Тут, чудо, что за пляж, рыбачки, паруса.
Здесь, ежели с умом,
легко прожить без горя...
Пожалуй, посидим ещё,
два – три часа.» —

«Во, блин, нагнулась – драные колготки,
А глазом зыркает, но это не ко мне!
Мне никогда не выпить столько водки!
Отрава... Хуже горечи в вине!
Флажок на подоконнике Российский!
А, чё он... как-то, боком! Что вы так!?
Ты, сволочь,

Греческий верти или Английский, Да, хоть Японский,
но за Русский флаг»...

Ох! За границею нужны такие «невры»!
А, про народ – без мата не сказать:
Тут, через слово слышишь:
«евры», «евры»!
Вы, что сдурели! Нам-то, где их взять!?

На русских моряков кричать – не гоже,
Вот так вот, защищая честь страны,
Таки, пришлось: хозяину – дать в рожу
И глаз «подправить» у его жены.

Третий сон отца Владимира¹

«То, что нас не убивает,
Делает нас крепче»!
Тем, кто это понимает,
Жить ничуть не легче.
Нас лупцуют – мы крепчаем,
Нас опять – и мы опять,
И уже почти не чаем,
Так зажить, чтоб не крепчать.
А вчера мне сон приснился,
Что я к Богу обратился:
«Всё вокруг меня тревожит,
Мне здесь зябко! Боже! Боже!!!
Коли я – венец творенья,
Ну, а жизнь – одно мгновенье.
Боже! Слышишь ли мой крик!?
Дай же мне – «венцу творенья»,
Счастья дай мне, дай на миг!
В мире всё Тебе подвластно,
Дай же счастье нам, несчастным»!
Тотчас, прям через обои,
Вышли (в чём-то светлом) двое,
А потом, ещё один,
В тоге, прямо из гардин.

И сказал, одетый в тогу:
«Энтот, что ли... хочет к Богу»!?
И сверкнул улыбкой бя... «гадской» —

«Кто вы!? Ангел»?! —
«Я!.. – «прынец» Датский.
Ты должён мне объяснить,
Быть желаешь иль НЕ быть!
Коли, жить ты не готов,
В этом, лучшем из миров,
Мы в два счёта всё исправим,
В мир иной тебя отправим». —

«Принц, примите извиненья,
Я поддался настроенью и
Наговорил... всего.
В общем, я прошу... тово...
Коль не поздно, всё исправить,
Здесь, пока, меня оставить»! —

¹ Если кто не знает, моего сына зовут Владимиром.

«Вот как!!?
Что ж, твоё желанье
Будет выполнено враз.
Ты, ведь, сам просил сейчас,
Ну, а мне дано задание:
Выполнить твоё желанье...
Повезло тебе, сынок,
Ты мгновенье подстерёг,
Был бы ты через мгновенье
В этой... в «Огненной Геенне»
(На Меркурии она,
солнечная сторона).

Там согрелся б в два мгновенья,
А оставшуюся жизнь,
поплясал бы,
Там каменья пляшут так,
Что, брат, держись...

Понимаешь ли, старик,
Выбор, в общем, невелик.
В прошлой жизни ты скитался
В ледяных пустынях Марса,
А потом тебя сюда...
Отдохнуть... ну а когда...
«Кочевряжиться» ты начал,
Нас Господь сюда послал,
И меня, к тебе назначил,
Как-бы, в качестве посла,

Бог сказал: «Скорей, беги,
Человеку помоги,
Случай там у нас пожарный,
Прям – беда!
Там хлопец гарный
Замерзает на Земле.
Коли, он там, как в петле
Мучается и тоскует,
Пусть оценит жизнь другую.
Ты местечко потеплее
Приищи ему скорее»!

«Ну и, мы к тебе примчались,
Чтоб ты, боле, не печалился,
Чтоб не мыкался ты боле,
На неласковой Земле,
Чтоб себе ты выбрал долю,
Ту, что для тебя милей...

Так что, отдышись, постой...
Радуйся, пока живой,
Не печалься и не ной,
Помни: Бог всегда с тобой,
Коль не хочешь жить по Божьи,
Не живи – мы в том поможем.
«Здесь жить хочешь»? – «Так и быть»!
Но, при этом, понимай:
Выбрал жить – знать, будут бить!
Ну, привет! Живи давай»!

Я живу и радуюсь,
Ни на что не жалуясь,
Ни о чём я не жалею
И обои переклеил.
Счастлив я, но, всё же:
«Что ж, так больно, Боже»!

Перекур

Во, дрянь! Ну, что же за дрянь, эти сигареты, в горле першит... и вообще...» – Сказал «длинноволосый», закашлявшись.

«Ну, вы, господа, просто зажрались! Дай-ка... А и вправду дрянь! Раньше-то, куда лучше были. Эх! Довели страну, ничего путёвого не осталось!» – Сказал «бриоголовый», зашвыривая окурочок. —

«Ладно, давай за работу.

Тебе ещё убираться, да внучку из садика... так что, не тани...» — сказал «длинноволосый»; он подёрнул брюки, встал на колени и аккуратно положил голову на плаху.

«Во, работа! Ни покурить толком, ни поговорить с человеком» – Сказал «бриоголовый», берясь за топор.

Китайская мудрость

«Сиди у реки достаточно долго, и ты увидишь, проплывающие мимо тебя, трупы врагов».
(приписывается Конфуцию).

Я полдня просидел у реки,
Так здесь тихо, тепло, – просто, Рай здесь.
Что же долго вы так, мужики!?
Проплывайте уже, не стесняйтесь.
Где же ваша хвалёная прыть,
Я хочу вас увидеть, ребята,
Сколько счастья могли б подарить,
У меня завтра круглая дата.
Мне вам столько хотелось сказать,
Не оттягивайте ж нашу встречу.
Я уже утомился вас ждать,
Мне уж нечем сидеть, просто нечем.

Я готов подождать был полдня,
Ждать весь день, для меня это слишком...
Кун Фу-Цзы, ты простишь ли меня?!
Побегу ка я, всё ж, за ружьишком.

«Дон Жуан» в подводной лодке

«А, куда ты денешься из подводной лодки!» —
Эта пошловатая фраза уже четвёртый этаж крутится в моей
голове.
Мы с...
с одной знакомой...
едем в лифте
к ней в гости... пить чай.
Вчера, когда мы договаривались,
я был приятно возбуждён,
«расширенное» чаепитие рисовалось весьма занимательными
картинками, которые, как-то, сами собой складывались...
а, то, что знакомая, по возрасту,
как моя внучка, придавало грядущим событиям
подзабытую остроту.
Но, собственный возраст, как ни старайся, никуда не деть.
Впрочем, на возраст я не жалуясь, да и кто жалуется-то?

Жалуются люди не на возраст, а на то, что работа некоторых
органов, за последние пятьдесят лет, несколько... ухудшилась:
глаза хуже видят,
ноги хуже ходят...
(кому охота, продолжите сами).

Но, самые неприятные, самые тревожные изменения,
связаны с,
так называемой,
«умственной деятельностью».
Поговорка «Рыба гниёт с головы» подтверждается на сто
процентов, если верить, что вырост на верхней
части туловища,
заведует самооценкой,
оценкой опасностей и прогнозом последствий.
С годами, мы проникаемся к себе чувством, подозрительно
похожим
на любовь,

наверное, поэтому,
оценка своих истинных возможностей – отстаёт от возраста
лет на двадцать.
Сколько же неприятных или, в лучшем случае, неприличных
вещей, происходят с человеком, который вдруг, решится сделать
то, что обычно делал
ещё лет двадцать назад.

Знание столь низкой истины, не позволяет со щенячьей радостью бросаться «навстречу новым приключениям». Я начинаю прогнозировать ближайшие события: «Конечно, при большом желании, я наверняка добьюсь результата. Разница в возрасте, здесь не помеха. Как говорил знакомый грузчик: «Большая сила не нужна, надо знать, как взять». Да, только, этого самого, «большого желания» я в себе, что-то не нащупал.

В голову лезут «умные мысли»: «Между нами установились «доверительные отношения», я не хочу её обманывать!» — «Дурак»!!! — Откликаются с «первого этажа» (как известно, кроме черепного мозга есть и другие мозги, расположенные пониже) —

«Доверительные отношения» у неё с подружками, а ты, «чтобы её не обмануть» должен... Должен сделать, что должен! Не умничай, будь просто мужиком, вспомни: «Боящийся, несовершенен в любви»...

и, как писал, известный матадор: «У меня только одна мысль: «Улучить момент и вонзить»!

Я не должен думать, что там, на конце шпаги, и каково ему там. Я – продолжение шпаги, и шпага продолжение меня. Мы едины, я не должен допустить и тени сомнения, иначе шпага может отклониться или вывернуться из руки... а это – гибель или бесчестье». —

«Матадор», — «Пожалуй, это не про меня» – Сказал «черепной мозг» – «Без тени сомнения»!?!.. «Я так не смогу, да и не привык... Меня ещё с вечера преследуют «тени сомнений», длиннющие тени, как и положено на закате... на закате жизни... «Тени» рожают дурацкие вопросы: «А, что потом»? «А, надо ли»? «А, смогу ли я»?

Словом, «Дон Жуан», вошедший в лифт на первом этаже, со второго этажа начал подумывать о «десантном люке». Как познакомились?

Да живём мы в одном подъезде... Примелькались,

«приДобрыйденьствовались», привыкли делать вид, что рады встрече...

Впрочем, я-то радовался совершенно искренне:

ну, нравится мне,

когда рядом молодое, непритворно жизнерадостное существо,

молодая яблонька... при этом, «набухающие почки» поневоле запускают мысли...

Опытный садовник, знаете ли,

по бутонам определяет

виды на урожай...

Приехали!

Я пропустил её вперёд, (воспитание... к тому же: «В опасном месте, настоящий джентльмен всегда пропустит даму вперёд»).

Выходя, я мельком взглянул на себя в заплёванное зеркало лифта —

где-то я уже видел подобное выражение «морды лица»...

Пока «яблонька» возилась с ключами, я вспомнил: пёс, примерно моего возраста (в пересчёте на собачий, конечно), с вялым интересом смотрел на вертящуюся, заигрывающую с ним молоденькую сучку,

но, когда она, несколько раз ткнув его носом в бок, дала понять, что на всё готова, он, именно с таким выражением морды, скрипя, поднялся.

Дело было за городом. Это был весенний день, снег только сошёл, везде мокро, но небольшой кусок земли высох совершенно.

Зимой здесь лежали плиты, и когда их убрали, образовалось бесснежное место.

День был не просто весенний, это был особый день, таких дней в году бывает два или три.

В такой день в воздухе разлита особая благодать (или особая дурь), какое-то предвкушение любви.

Увидишь на улице девушку, хочется бросить всё, взять её за руку и повести на край света...

Но, до края света не довести, а шага через три начать приставать,

ни на кого не обращая... И, судя по лицам,

все девушки хотят сегодня

чего-то,

эдакого...

Что бы потом, помнить всю жизнь...

В такой день работать – сущее наказание...

Итак,

пообедав, чем Бог послал,

я отошёл от бытовок к лесу,

там, на опушке: мы соорудили скамейку, сейчас на ней никого, видно, кроме меня, не нашлось охотников тащиться сто метров по жирной грязи.

Я выпростал из сапог белёные ноги, разлёгся на скамье и, поневоле, стал наблюдать за собачьими игрищами.

Небольшая стайка собак тоже решила провести послеобеденный отдых на этом месте...

Игра под названием «она бежит, а он её догоняет» подходила к неизбежному финалу.

Не то, что «соревнующиеся» утомились, вся площадка была шесть на три метра, да ещё часть занимали зрители – пяток собак, похоже, «участники» решили, что ритуальная беготня окончена, пора переходить к делу.

Бесстыжие зрители приподняли головы и... узрели явную теоретическую неподготовленность одного из участников:

«обнюхаться – это, конечно дело правильное, но ты ж, не вертись...

где твоя совесть собачья»!

Вскоре, опыт одного из партнёров, всё же, сказался:

как школьный учитель, терпеливо пытающийся объяснить школьникам, что такое «медиана», наш «Барбос» всё повторял и повторял попытки, хотя казалось, что у учеников на уме совсем другое, и ничего полезного... в них не внедрить...

Но...

несколько раз перешагнув через вертящуюся ученицу, педагог, всё же занял правильную позицию,

ученица замерла и...

Возмущённый визг, в котором негодования: «Да за кого вы меня принимаете»!!! было ещё более, чем испуга.

«Партнёры», оскорблённые в лучших чувствах, отскочили друг от друга.

«Она стояла гордая, высоко подняв голову, и нервно теребила белые перчатки»...

«Вот, сука»!!! – Возмутилась стая и отвернула головы.

«Вот, сука»! – Сказал «Барбос», плюхаясь на землю.

«О, женщины, женщины»! – Повторил я, то же самое, на человеческом языке.

Люблю сказки с хорошим концом, сказки, которые учат нас верить в лучшее, помогают жить красиво и счастливо... а тут, ребята, запахло хроническим неумением существовать на этом свете.

Я ещё немного, раздражённо понаблюдал, как «благородная девица», поуспокоившись...

снова начала крутиться, демонстрируя свои прелести, и тыкать

носом в бок обиженному «барбосу»,

но, когда

он снова поднялся... Я, пробормотавши:

«Да вы романтик, синьор Барбозо»! —

закрыл глаза...

Видать, я несколько застрял в собачих приключениях и дольше, чем мадам рассчитывала, топтался на коврик перед дверью...

Меня разбудил раздражённый оклик: «Войдёшь»!? —

Провокационный, какой-то вопрос. «Дон Жуанам» такие вопросы не задают.

(Конечно, войду, «Дона Анна»,
ещё как войду-то). Я притворил за собой дверь. Дождавшись, пока
«Дона Анна» повесила куртку, я подошёл и плотно взял её за
плечи.

«Погоди»! —
вывернулась «Дона Анна», —

«Вот тапки, вымой руки»! —
«Вымыть руки тапками»? —
Пошутил я, заглядывая в её глаза – заглянуть было не во что —
глаза косили, бегали по сторонам... Я почувствовал себя
кондуктором, возгласившим:
«Предъявите билетки»!
Наверное, ей только сейчас пришло в голову, что она не сможет
контролировать...
дальнейшие события.

Она даже не попыталась улыбнуться,
так бывает, когда желания
«захлёстывают» женщину, она уже не понимает...
и, только океан желаний
плещется...

Я, всё-же, сумел заглянуть в глаза, нужно было понять, как
действовать дальше.
Хочет ли она, чтобы я набросился прямо сейчас, прямо в
прихожей, или надо сначала поговорить...

Послевкусие в отношениях зависит, в том числе, и от того, что
именно, она действительно, непритворно желает.
Три желания я увидел сразу: «Первое» – чтобы я её отпустил,
«Второе» – чтобы я ушёл,
«Третье» – чтобы всё это,

прямо сейчас —
«Вот те на»!!! —
Я-то, был уверен...

Ну, хотя бы, что удовлетворю её любопытство...
О, женщины! Умеее вы поставить нашего брата в неловкое
положение...

Я махнул хвостом...
Нет, не как обиженный, обманутый в лучших чувствах барбос,
но, как, способная удовлетворить любое желание, «Владычица
морская – Золотая рыбка»...

Я поправил корону и с гордым видом, мол, не очень-то и хотелось... немедленно удовлетворил все её желания.

Она с облегчением заперла дверь на два оборота и, на всякий случай, наблюдала за мной в глазок.

«Небось, сейчас побежит и проверит, целы ли в шкатулочке её золотые серёжки

или, что у неё там...»

«Эх, не те пошли мужики» —

Провещал мозг, ну, тот, который заведует «первым этажом». —

«Глаза, вишь, ему не понравились! А, помнишь, Казанова писал:

«Женщина с такими глазами, что блеск и красота одного из них, полностью возмещал отсутствие другого».

«Вы, батенька, не «Дон Жуан» и, даже не барбос, а... Впрочем, можете себя считать рыбкой...»

«Не очень-то и хотелось» —

вот то-то и оно!

Настоящий «Дон Жуан» – он мужик! Он... не доктор-окулист,

он бы в глаза не заглядывал, и не стал бы, ни о чём спрашивать,

прижал к стене и...

Потом бы, они перешли в спальню,

потом...

А, ты... одно слово: «голова»,

ещё умничал:

«Когда в любви не хочешь поражений, не стоит слушать женских возражений!»!

И вообще, думаешь только о себе: «Я и подумать не могу о том,

чтобы причинить ей»...

«О теле, о своём подумай,

если никому не «причинять» —

«причинялка» отсохнет».

Я нажал кнопку вызова лифта, «черепной» мозг, в это время оправдывался:

«Тем не менее, потом, она будет довольна сегодняшним приключеньцем... да и я тоже:

мы пощекотали друг другу нервы,

всё обошлось без обид и

без последствий.

Страшно подумать,

завтра, пришлось бы вести её в кино или ещё куда... слушать её щебетание, кивать...

Или, ещё того хуже,

ей мог померещиться...

принц из сказки...

а, про девиц,

связавшихся с мужиками,
которые...

«сильно их постарше»,

в надежде, что в кармане телогрейки спрятана корона, с уверенностью можно сказать только одно:

«Они плохо кончат». —

С «первого этажа» послышалось

неприличное хихикание.

Мягкое сильнее твёрдого

Тихо Браге, известный датский астроном, родился в 1546 году. Он так много занимался науками, что на боевые искусства времени почти не оставалось. Поэтому, когда ему, всё же, пришлось вызвать «этого негодяя» на дуэль, получилось не очень хорошо...

Тихо Браге выжил, но часть носа пришлось заменить протезом из серебра и золота.

Когда, через неполные триста лет после его смерти, тело гордости страны Датской, решили перезахоронить, выяснилось, что само тело хорошо сохранилось, а вот протез...

протез – испарился...

Как тут не вспомнить, известное китайское правило: «Мягкое сильнее твёрдого»!

Геронтология

Есть в старости начальной
Приятная пора,
Неспешный, беспечальный
Секс «почадит» с утра...
И ты уж, как патриций,
На ложе возлежишь —
Ноль мыслей, ноль амбиций
Вспоминанья лишь

В седой главе клубятся:
*«Недавно, лет пятнадцать,
Не более того,
Одна вдова любила мужчину одного...
На ней в цветочек платье
и лялочка сползла»...*

Морфей в свои объятья,
не причиняя зла,
Возьмёт. И до обеда Над старостью победа.

А идите вы...

*«И я бы мог, как шут на...»
«праздник,
Сплясать вам русскую в петле,
Зане у Власти на земле
Есть много развлечений разных:
Бичи, колеса, топоры,
И гильотина и гаррота...
Все это дремлет до поры
И терпеливо ждет кого-то.»*

А.Пушкин. Г.Сагир.

Теперь, когда я с головой расстался,
Со мною разговаривать легко.
Легко сказать, что я вас испугался —
Мне наплевать, я очень далеко.

Пинайте обезглавленное тело,
Порвите в клочья новое пальто.
Я горд, что невозможное – я сделал!
Как надо сделал! И я горд, за то,

Что не продался вам, за рубль двадцать,
А всех послал... и хлопнул по столу...
Что голова, неделю на колу,
Нахально щурясь, будет улыбаться.

Реквием

...начала неудержимо
сползать с дивана на пол.
Её, как сбросило с высоты: лежит ничком, голова набок, руки
обняли пол, ноги чуть вбок.
Так, наверное, начинающий наездник лежит «верхом» на спине
лошади и очень боится упасть.
Поза, какая-то... криминальная. Не хватает, разве, контура
мелом...

«Воду!.. на голову!.. вылей!...» – Проговорила чужим,
огрубевшим,
механическим каким-то голосом...
И замерла...
«Нет!!!... Не трогай!!!... Отстань!!!...» – на все попытки вернуть
её на диван... или, хотя бы, как-то облагородить позу...

А тут и звонок в дверь – «скорая» приехала... Вот и они: девчонка
и
слегка потёртый «юноша» с пластиковым ящиком.

И, что за волшебное такое название: «Скорая помощь» – пока
ждёшь, думаешь: «Какая же она, нафиг, скорая»;
а, когда приедет – понимаешь: да она такая же «помощь», как и
«скорая».

Идиотские расспросы, идиотским казённым тоном.
Да я и так понимаю: при исполнении вы!
Но, анкету-то, ведь, можно потом!
Или не видите: плохо ей!!!
Ну давайте же, скорее!
Где там у вас,
где волшебная таблетка... или волшебный всеисцеляющий укол!
Давайте его сюда!

Пусть она откроет глаза, удивлённо посмотрит по сторонам и,
вздыхнув, скажет: «Ах! Как долго я спала».
«Нет, братан, чудесных уколов сегодня не завезли» – я это почти
сразу по их отстранённым ромам понял.

Тут на меня изнутри накатило такое зудящее желание выгнать их
к...матери

«Тоже мне, приехали... Дед Мороз со Снегурочкой. Подарки-то
где»!!!

Наверное, в глубине души, я знал, кто и с чем приедет, и что от них можно ждать. Ничего-то, я им не сказал...

Начали обсуждать ситуацию, мол, в больницу её в таком виде не довезёшь. «Тут вы, ребяташки, правы!

А, и довезёшь, лучше ли это?!

Пусть уж, если что, помирает дома, здесь её, по крайней мере, любят.

Мы и так, постоянно в окружении чужих...

А, вот, может быть, её чем-нибудь уколоть, для пользы»...

Тут-то, нам и было явлено...

Вот, на диване с закрытыми глазами лежит беспомощное существо, точно в той позе, в которую мне удалось её переложить...

И вдруг...

«Скорая помощь» категорически настаивала, чтобы я поднял больную с пола.

Мне бы их послать, видно же, что толку от них... Наверное я испугался остаться совсем без каких-либо врачей, к тому же, мне самому, наверное, хотелось переложить её поприличней...

Перетащил я её с пола, хотя ей там было лучше.

Вот, лежит она в той же позе, и только пульс на шее трепещет часто часто, как листик на ветру...»

И вдруг...

Тело, вдруг заговорило (не она, а

именно, тело или кто-то другой внутри).

Голос был совсем не её, какой-то мужской или, даже механический.

Так, думаю, говорил бы Бес, изгоняемый:

«Не трогайте меня!!!

Не мучте меня!!!

Выключите меня!!!

Я не могу больше»!!!

Ну, укол ей, всё же сделали. Это был «Дексаметазон» из наших запасов.

(И нафига, скажите, нужна «Скорая помощь», если с лекарствами у них такой «напряг»)...

Давление ещё раз померяли: 1 00 на 60, я их и выпроводил. Бумагу, какую-то подписал. От денег они категорически отказались и предупредили меня, что состояние больной крайне тяжёлое. Спасибо, сам бы я, ну ни за что бы, не догадался! А теперь,

«я предупреждён – значит вооружён»...

И вот вам картина:

Жаркий день, двуспальная кровать, на которой лежит

голая, бледно-белая,

еле живая женщина.

Я стою над ней. Зачем я стою!?

Надо срочно что-то делать!!!

Бежать за помощью??!

Уж не за «Скорой» ли!?

А в голове, как бы открылся люк: одновременно слышны какие-то идиотские куплеты и вялый нравоучительный голос, скучно объясняющий мне то, что я и так знаю:

это мать моих детей (дурацкое выражение),

это моя любимая жена (любимые жёны, дяденька, бывают у султанов,

у меня жена единственная),

это мой родной и

очень больной человек (тут ты, дядя, попал в точку, дальше-то что?). Я стою и жду.

Что мне делать-то,

ГОСПОДИ!!!

ВСЕМИРНЫЙ РАЗУМ!!!

ВСЕЛЕННАЯ!!! – ну,

подскажите хоть кто-нибудь!

Да, жизнь наша...

Едешь, эдак, в карете на бал, полируешь ногти и уже мысленно...

Вдруг, бац!!!

Карета в болоте, кружева на рубашке в грязи. Ты продолжаешь полировать ногти, но потихоньку до тебя доходит, что можно более не трудиться.

И пожаловаться некому. Ты, значит, с претензией на Самый Верх, почто, мол, прям сейчас-то, ужели нельзя было после бала... А тебе сверху: «Пошёл к Дьяволу! Раньше надо было думать»!

Скажете, тоже... Чтобы раньше думать про сегодня, надо, хоть немного, себе это «сегодня» представлять.

Такого, «сегодня», я себе и представить не мог...

Когда-то, когда я был моложе и лучше выглядел...

я не думал, что наше знакомство настолько затянется...

И, когда поженились, не думал.
Каждый день, она на меня обижалась, и я сердился.

Каждый день, она на меня сердилась, и я обижался.

Я никак не мог понять, как же можно так обижаться.

Она никак не могла понять, как же можно так жить.
Сколько раз я собирался

всё это бросить. И то сказать: «завёл себе геморрой, где удовольствие от жизни то?!
Да и зачем мне, такое счастье!?!»

Кто-то скажет: «Судьба!» —
«Да!» — скажу я — «Теперь, всё это, безусловно, судьба, но раньше то!?!»

И, ведь, было время всё поправить»!

Кто-то скажет: «Любовь!» —
«Конечно!» — скажу — «Потом и любовь, но потом, потом»...
Что же сначала-то!? Привычка!?! Откуда она, привычка сначала?
Может, всё-таки, просто лень!? Лень что-то менять, дёргаться.

А любовь?! «...Себя любите, мой читатель» — писал Пушкин.
И, хотя, сейчас стало модным отрицать абсолютность его поэтического дара, его авторитет в вопросах любви, пока, незыблем.

Наверное, любил-то я, в основном, себя, а моё тогдашнее отношение к Валентине, вполне умещалось в «Хотел не обижать, хотел, как лучше».

Говорят: «Благими намерениями вымощена дорога в АД».

Означает ли это, что дорога в РАЙ вымощена исключительно мерзкими намерениями, или благих намерений хватило на обе дороги – не знаю.

Знаю лишь, что моих намерений, в благости коих, я теперь сильно сомневаюсь, нам хватало, чтобы регулярно посещать оба эти заведения. «Нам не дано предугадать»...

Нам ничего не дано предугадать...

«Идиот»!!! – окликнул я себя, – «Ну, чего разнылся! Понятно, что сорок лет назад, всё было по-другому, а слово «рак» ассоциировалось с совершенно другими вещами.

Но, если бы, я её больше любил...

Или, если бы, я её сразу бросил и завёл другую...

Всё равно, теперь уже ничего не исправить, да и гарантии нет, что мне удалось бы избежать...

чтоб всё было по-другому, и, спустя сорок лет не стоять перед еле живым телом, как Иван-Дурак перед камнем и... и куда бежать-то, Господи!

Впрочем, мне не себя, мне её жалко... наверное я что-то мог...

что-то должен был». Как-то, Катка принесла домой котёночка. Я был возмущён: «Почему без спроса! Отдать эту зверюгу немедленно!»!

Пока искали «хорошие руки»...

В общем, через неделю я объявил, что зверюга прижилась. Возможно, это было самое приятное, что Валентина в этой жизни от меня услышала.

Котёнок, из тоненькой серенькой верёвочки с круглым ушастым шариком, довольно быстро превратился в упитанного любителя поиграть с верёвочкой...

Происхождения наша кошка была дворового, манеры соответствующие.

Когда она, серая, короткошерстная, ела из своего блюдечка, хвост перекрывал всю кухню.

Мы её звали «Крыса» за внешнее сходство, а Валентина звала её «Серый».

Прожила Крыса с нами восемнадцать лет. Длиною она сделалась под метр, а весом – под пуд.

Перечислить всё, что, эта мерзость, над нами учиняла, я уже не в состоянии. Помню, как любила она спать на груди. О! Это волшебное ощущение живой тёплой тяжести на груди... через некоторое время оно превращалось

в ощущение непомерной тяжести. За секунду до того, когда терпеть уже не было возможности, Крыса с презрением воздвигалась на ноги.

Она не фыркала, не смотрела своим тяжеленным желтым взором, она тихо отходила и укладывалась носом в угол дивана, оставляя нам для извинений широченный зад.

Но ощущение, что она плюнула и обматюгала, было ярчайшее.

Вышесказанное, вовсе не означает моего недовольства, от знакомства с этим своенравным существом.

Послана нам она была, непосредственно от БОГА, недаром Катька притащила её из церкви.

Я не видел ничего красивее, чем сочетание серого и белого цветов на её груди и лапах.

Померла она от рака. Мы понесли её усыплять, чтобы она более не мучилась, а на обратном пути ревели, не глядя друг на друга.

Придя домой, поняли, что непоправимо осиротели.

Крысятину, сколько могла, оттягивала от Валентины болезнь на себя, и, только когда у неё совсем не стало сил, заболела и Валентина.

Мы не стали более никого заводить, хотя постоянно оглядывались на котов, в особенности на серых.

Прошло столько лет, но вид серой кошки, до сих пор, заставляет моё сердце усиленно колотиться.

И, если прямо сейчас, раскроется стена, оттуда выйдет серая кошка и протянет мне лапу, я пойду за ней, не спрашивая: «куда»?

Для чего я это всё? Да для того, что не знаю я, почему мы с Валентиной прожили

сорок с чем-то лет

и жили б ещё...

И, как оно, так получилось,

что чувствую я себя лягушкой в крынке с молоком из сказки Толстого.

Да, только в сказке, лягушка взбила молоко до масла и выпрыгнула,

а тут, бьёшься, бьёшься...

Не то, видать, молоко нынче.
Впрочем в тот раз, всё кончилось,

счастливо,

умирать она передумала.

Через пару дней, ей стало лучше. И с каждым днём становилось всё лучше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.